

DOI 10.15393/j9.art.2015.3443

УДК 821.161.1.09“18”-31

Дарья Сергеевна Кунильская*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

dkunilskaya@yandex.ru

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ В РОМАНЕ «ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕС» К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Аннотация. В статье рассматривается образ иконы Божией Матери в романе «Одиссей Полихрониадес» К. Н. Леонтьева. Лики Богоматери в произведении становятся связующим звеном между греческой и русской православной традицией. Проанализированы факты биографии писателя, объясняющие особое отношение К. Н. Леонтьева к указанным ликам Богоматери. Богородичные типы в восточнохристианском восприятии олицетворяют заступничество, защитную функцию иконы: православное христианское сознание объединяет одна и та же молитвенная традиция. Именно через образы Богородицы в романе выявляется особенная связь иконы с молитвой, ее соотнесенность с первообразом. В «Одиссее Полихрониадесе» специфика греческого мира открывается читателю через лик Божией Матери. Икона Божией Матери в художественном пространстве романа придает греческому миру символичность, наполняя динамикой статичный греческий мир.

Ключевые слова: Константин Леонтьев, «Одиссей Полихрониадес», икона Божией Матери, образ иконы, греческая православная традиция

Икона с древних времен занимала особое положение в православном мире. Образ иконы весьма значим в произведениях многих русских писателей. Творчество Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, В. С. Соловьева, А. Блока и многих других авторов раскрывает национальные особенности восприятия ликов Христа, Богоматери, святых праведников. В этом контексте имя К. Н. Леонтьева в ряду русских писателей можно выделить особо. Известен факт биографии мыслителя¹, когда он в 1871 году, будучи тяжело больным, приносит обет перед афонской иконой Божией Матери. Именно тогда Леонтьев переживал тяжелый духовный кризис. После того, как писатель дает обет перед иконой постричься в монахи, он выздоравливает

и практически сразу же уезжает на Афон, где проводит полтора года. Желание стать монахом осуществилось далеко не сразу. На Афоне для писателя начнется долгое и трудное восхождение: только перед самой смертью (1891 год) в Сергиевом Посаде он пострижется в монахи с именем Климент. Важными этапами на этом пути станут Оптиная пустынь, а также Свято-Угрешская обитель в Москве². «Я не стану описывать моей жизни в Угреше. — Я ее вспоминаю с духовной радостью. — Я много вынес, но много и радовался. <...> Я в Угреше — никого не имел кроме Бога...»³, — говорил об этом времени мыслитель.

С Афоном и Оптиной пустыней связаны две иконы, которыми Леонтьев особенно дорожил: образы Иверской Божией Матери, Божией Матери «Знамение».

Иверская икона Божией Матери — одна из главных святынь Афона. Н. П. Кондаков относил данную икону к концу XII — XIII веку [13, 216]. Значение этого лика Леонтьев особо подчеркивал, рассуждая об истинном христианстве в статье «О всемирной любви» (1880): «Какое христианство: общеевангельское какое-то или в самом деле православное, с верой в икону Иверской Божией Матери, в мощи Св. Сергия, в проповеди Тихона Задонского и Филарета, в прозорливость и святую жизнь некоторых и ныне живущих монахов?..»⁴. Икона для Леонтьева — часть христианской православной жизни. По его мнению, в русской культуре икона отражает напряженность, страстность веры русского человека, с другой стороны — сокровенность⁵.

На иконе Иверской Божией Матери Богородица предстает рядом с Сыном и правой рукой указывает на Него — Путь, Истина и Жизнь (Ин. 14:6). «Важнейшею чертою типа, — по мнению Н. П. Кондакова, — является склонение головы Божией Матери к Младенцу при прямоличном положении Его головы» [13, 216]. Как пишет петербургский искусствовед О. В. Губарева, «это почти живописный рефрен песни Канона Божией Матери Одигитрии: «Радуйся, радуйся, Богородице Одигитрие, всех и всегда наставляющи верных шествовати ко всякому пути спасительному» [7, 45].

В 1874 году после возвращения из Калуги Леонтьев едет в Москву: «Первое мое посещение было опять Иверской Божией Матери. Я просил Ее (конечно!) о продлении моей земной жизни и о том, чтобы в делах литературных мне суждено было, наконец, узреть правду себе на земле живых» (6₁, 72). Неоднократно писатель упоминает о значимом для него обряде «поднимать Иверскую» (8₁, 308). Одному из своих учеников А. Александрову Леонтьев пишет о возмущении Толстого, узнавшего, что «один студент, кандидат, — подымает Иверскую!»⁶. В 1880-х годах Л. Н. Толстой отвергал обрядовую, догматическую сторону христианства. Леонтьев, напротив, ратовал за сохранение (охранение) всех православных традиций. Православие, согласно определению Леонтьева, складывается из четырех элементов: «догматов, нравственного закона, обрядов и канонов. Все четыре элемента одинаково необходимы». Значимость обряда — в сохранении «внешнего единства», в «постоянном возбуждении чувств» (7₁, 283).

Другая икона — образ Божией Матери «Знамение» связана с Оптиной пустыню. По мысли Леонтьева, Оптина пустынь играла «великую роль» в исторической жизни России на протяжении всего XIX века. Писатель был одним из многих духовных детей старца Амвросия. Для Леонтьева было особенно важно и дорого то «идеальное влияние» [14, 319], которое старцы и Оптина пустынь оказывали на мирян. В статье «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни» (1879) Леонтьев, описывая прославленный скит, среди всей обстановки особенно выделяет лик Знамения Божией Матери: «Внутри со стороны скита, на этих розовых, как бы мирно-радостных и приветливых воротах изображена икона Знамения Божией Матери. Под иконой есть подпись: “Все упование мое на Тебя возлагаю, Матерь Божия! Сохрани меня под кровом Твоим”... Кто войдя в ворота скита обернется, тот непременно прочтет эту подпись, и она на многих действует с особенною силой. Отец Климент говорил мне сам, что как только он эти ворота увидел, как вошел в этот просторный, тихий и цветущий скит и посмотрел вокруг себя, так и сказал себе в сердце своем: “здесь

тебе кончить жизнь”...» (6, 257). Лик Знамения Божией Матери один из самых древних иконографических типов Богородицы.

В своем самом большом романе «Одиссей Полихрониадес» (1873—1878)⁷ К. Н. Леонтьев рассказывает о жизни греческого юноши. Историк К. А. Жуков выделяет роман особо, отмечая, что восточные «этнопсихологические и этнографические наблюдения Леонтьева в наиболее концентрированном виде собраны в романе “Одиссей Полихрониадес”» [8, 11].

Христианский мир востока, подробно описанный в романе, связывает два типа мировосприятия: русский и греческий. Православная икона — особенно можно выделить два лика, фигурирующие в названном произведении: Иверская икона Божией Матери, Божия Мать «Знамение» — является связующим звеном, которое объединяет национальные образы мира Греции и России.

В православном христианском сознании икона всегда связывалась с молитвой, поэтому основное назначение иконы — молитвенное. В. В. Бычков, полемизируя с В. В. Лепахиным⁸, предлагает рассматривать икону в рамках эстетического подхода. Однако иконопись — особенный вид искусства. В. С. Кутковой опровергает мнение В. В. Быčkova, напоминая, что VII Вселенский собор (Второй Никейский) установил: икона есть подобие первообраза, поэтому «икона получает самое имя Господа; через это только она находится и в общении с Ним; потому же она и досточтима и свята»⁹. Поэтому вполне оправданными кажутся те замечания, которые высказывают в адрес В. В. Быčkova А. В. Моторин [20], В. С. Кутковой [16].

В первой части романа загорский юноша Одиссей, вспоминая отчий дом, рассказывает о некоей комнате, олицетворявшей для всей семьи «саму Россию»: «Лампада в углу теплилась пред золотыми и прекрасными русскими иконами; была одна из этих икон Божия Мать Иверская, дивный, божественный лик! Новой живописи московской, но по древним образцам; лик, исполненный особой кротости и необычайно красивый; за золотым венцом ее был укреплен другой венец из ярких роз самой восхитительной работы,

какая-то особая пушистая зелень, как бархат нежная, и на цветах сияли капли искусственной росы. Теперь веночек этот снят от ветхости, но мне было неприятно знать, что Божия Матерь наша без него, и я послал отсюда новый веночек такой же на Ее святое чело» (4, 50—51). Иверская икона Божией Матери хранится на Афоне около тысячи лет. Она представляет собой образ Божией Матери «Одигитрии». Особенно иконографии Иверской иконы — подчеркнутая величавость образа Богоматери, суровый лик младенца Христа, а также свиток в его руках, «в котором заключен закон», «символ власти» [7, 54]. Особо выделяется в этом иконографическом типе грозный образ Христа.

Первые свидетельства об иконичном типе «Одигитрия» встречаются уже в VI веке: св. Пульхерия нарекла эту икону «проводником, указующим путь ко всевозможным благам <...> Приказала она также, чтобы каждый вторник при зажженных свечах с пением псалмов и гимнов обходили с иконою город...» [7, 44].

Иверская икона Божией Матери знаменует для Одиссея связь с Россией. В описанном иконичном типе сочетаются византийская традиция и «новая московская школа», сложившаяся в XIV веке. Прославленные представители московской школы Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий, а также их ученики сочетали византийские традиции иконописи с русским толкованием «богословия в красках», в которое обычно привносилась особая мягкость [17, 81—126].

Одиссей вспоминает и подчеркивает декоративную деталь — венец, который украшал лик Иверской Богоматери. Внимание к внешнему убранству невольно выдает присутствие автора, что, в общем, является характерной чертой поэтики К. Н. Леонтьева.

Образ иконы Знамения Божией Матери воспроизводится в романе неоднократно. К лику Знамения Божией Матери Одиссей обращается за помощью, просит прощения за совершенные грехи. Эту икону он вешает в своей комнате после переезда в дом русского консула. В романе икона имеет название «Ширшая небес». Данное название связано с литургией свт. Василия Великого. За этой службой поется стих

о том, что чрево Богородицы пространнее небес [12, 271]. Образ Знамения Божией Матери олицетворяет заступничество Богоматери, защитную функцию иконы.

Обращение героев романа «Одиссей Полихрониадес» к Богородице всегда связано с просьбой о помощи. В романе Дева Мария чаще всего именуется как «Божия Матерь», «Пресвятая», «Всесвятая», «Владычица», «Заступница», «Госпожа Моя», «Панагия» (дословный перевод с греческого «Всесвятая»). Употребление данных эпитетов совпадает с богородичными наименованиями древнерусской «мариологической агиографической традицией» [4, 71].

Г. П. Федотов, анализируя образ Богородицы в русских духовных стихах, обращает внимание на разницу отношения народа к Иисусу Христу и Богоматери: «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь. Вознесенная в мир божественный, до неразличимости с небесным Богом, Она, с другой стороны, остается в отличие от Христа, связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей» [22, 49]. В греческом и русском мире Богородица воспринимается православными христианами прежде всего как заступница. Вновь отметим, что в биографии Леонтьева образ Богородицы сыграл немаловажную роль.

Вывод, который делает Г. П. Федотов, очень близок мировоззрению К. Н. Леонтьева. В брошюре «Наши новые христиане» (1882) писатель использует цитату из славянского «Добротолюбия»: «Начало премудрости страх Божий, плод же его любовь» [23, 273]. Упрекая Ф. М. Достоевского в непонимании истинного христианства, Леонтьев особо подчеркивал: «...святые отцы и учителя Церкви согласно утверждали, что “начала премудрости (т. е. правильное понимание отношений к Божеству и людям) есть страх Божий”» [23, 272]. В период острого духовного и физического кризиса К. Н. Леонтьев, по его словам, испытал жуткий страх. Многие исследователи начала XX века упрекали мыслителя в том, что он, проповедуя мистический страх, забывал о христианской

любви, радости о Христе [3], [9], [10], [15], [19], [24]. В. А. Котельников выделяет несколько «основополагающих понятий» духовной жизни Леонтьева — «граница, форма, сила, дисциплина, страх» [14, 310]. Отражение названных мировоззренческих принципов находит свое выражение в романе «Одиссей Полихрониадес».

Греческий «эпический» мир, изображенный автором, кажется идеальным. Таким он представлялся Леонтьеву. Точнее, определенная часть этого мира: в предисловии к циклу писатель отмечал нравственность, наивность, живописность греческого простого народа (3, 8). С. Н. Булгаков считал, что христианство «подернуто у Леонтьева пепельной пеленой <...> ислама», «в своих восточных повестях» писатель «обнаруживает тонкое понимание мусульманской души» [5, 386]. Современный исследователь подводит итог: «Леонтьев обнаружил изощренную способность к кровосмешению чужеродных культур» [14, 306]. Однако с таким пониманием христианского мира в Турции, изображенного писателем, все же сложно согласиться. Греческий мир патриархален, он дорог Леонтьеву своей непрерывавшейся связью с Византией. Тщательно прорисованные штрихи, портреты героев, детали, события и пр. рисуют русскому читателю картину прекрасного мира. Несмотря на обилие персонажей, событий в романе, яркость красок, греко-христианский мир Турции остается достаточно условным: он символичен. Назначение символа — «не только изображать, напоминать, учить, но, прежде всего, приобщить к той реальной действительности, какую символ являет» [11, 69]. В контексте христианства символ обязательно наполняется внутренней динамикой, «духовным бодрствованием» [11, 70]. Если подходить к миру греческому рационально, то перед нами, несомненно, мир морализаторства, мир наставлений, мир красочных иллюстраций-картинок из жизни православных христиан. Но дело в том, что при таком подходе «символ “молчит”» [18, 183], исчезает его внутренняя «динамическая тенденция» [1, 386]. С. С. Аверинцев отмечал, что при переходе в символ «образ становится “прозрачным”; смысл “просвечивает” сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая

перспектива, требующая нелегкого “вхождения” в себя» [2, 155]. Образ пресвятой Девы Марии в мире христиан востока овеян любовью, человеческим смирением перед «нежнейшей, почитательнейшей Матерью» [21, 67].

В художественном пространстве романа образ Богоматери, воплощенный в иконе, в словесных обращениях открывает читателю мир христиан, младенчаствующих во Христе.

Примечания

¹ См. письмо В. В. Розанову (13—14 августа 1891 года): «В ответ на Вашу просьбу объяснить Вам, что заставило меня оставить дипломатическую карьеру, которая шла так хорошо <...> и думать о монашестве, скажу Вам следующий афоризм: “Полуоткровенность и недосказанность часто больше вредят настоящему пониманию чужой жизни, чем совершенное умалчивание”. А с полной откровенностью я об этом распространяться не могу <...> однако, кое-как объяснить... Причин было много разом, и сердечных, и умственных, и, наконец, тех внешних и, по-видимому (только), случайных, в которых нередко гораздо больше открывается Высшая Телеология, чем в ясных самому человеку его внутренних перерождениях. Думаю, впрочем, что в основе всего лежат, с одной стороны, уже и тогда, в 1870—71 году: давняя (с 1861—62 года) философская ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни (Петербург, литературная пошлость, железные дороги, пиджаки и цилиндры, рационализм и т. п.), а с другой, — эстетическая и детская какая-то приверженность к внешним формам православия; прибавьте к этому сильный и неожиданный толчок сердечных глубочайших потрясений <...> и, наконец, не были еще высказаны о “юго-славянах” все те обличения в европеизме и безверии, которые я сам признаю решительно исторической заслугой моей <...> Одним словом, все главное мною сделано после 1872—73, т. е. после поездки на Афон и после страстного обращения к личному православию... Но в лето 1871 года, когда консулом в Салониках, лежа на диване в страхе неожиданной смерти (от сильнейшего приступа холеры), я смотрел на образ Божией Матери (только что привезенный мне монахом с Афона), я ничего этого предвидеть еще не мог, и все литературные планы мои были даже очень смутны. Я думал в ту минуту даже не о спасении души (ибо вера в Личного Бога давно далась мне гораздо легче, чем вера в мое собственное личное бессмертие); я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о телесной смерти и, будучи уже заранее подготовлен (как я уже сказал) целым рядом других психологических превращений,

симпатий и отвращений, я вдруг, в одну минуту, поверил в существование и в могущество этой Божией Матери, поверил так ощутимо и твердо, как если бы видел перед собою живую, знакомую, действительную женщину, очень добрую и очень могущественную, и воскликнул: “Мать Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченно грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного, верующего и в среду, и в пятницу, и в чудеса, и даже постригусь в монахи...”. Через 2 часа я был здоров, все прошло еще прежде, чем явился доктор, через три дня я был на Афоне, постригаться немедленно меня отговорили старцы, но православным я стал очень скоро под их руководством...» (Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854—1891. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1993. С. 586—589).

² О значении Оптиной пустыни в жизни К. Н. Леонтьева см.: [14, 293—321].

³ Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Ч. 1. СПб., 2003. С. 238—239. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, части (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

⁴ Цит. по: [23, 175].

⁵ «Для русского поэта религия не хоругвь торжественная: она икона древняя полустертая, пред которою в ночи горит лампада болезненной любви!

О своей хоругви русский покоен. “Хоругвь эту за каждого из нас давно держит Царь”, думает русский и тоскуя, быть может, и о предметах иногда и не слишком христианских — плачет пред своею одинокою лампадой в темном углу» (71, 470).

⁶ Цит. по: [23, 290].

⁷ Роман «Одиссей Полихрониадес» входит в состав цикла «Из жизни христиан в Турции». Цикл печатался в журнале «Русский вестник» в 1868—1882 годах. В «Восточных повестях» (авторское название цикла) Леонтьев создает грандиозный образ «греко-славянского мира» (71, 444). Цикл «Из жизни христиан в Турции» К. Н. Леонтьев признавал своим лучшим художественным произведением, хотя после обращения в 1871 году он отрекается от многих собственных творений, в том числе и от эпического цикла «Река времен», который воссоздавал историю его семьи. «Одиссеем Полихрониадесом», самым большим своим романом, Леонтьев очень дорожил: «Судя по отзывам людей весьма разнообразных: едва ли “Одиссей Полихрониадес” ниже “Обрыва” и “Обломова”», — писал он в 1886 году Т. И. Филиппову (Пророки Византизма:

переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891). СПб.: Пушкинский дом, 2012. С. 314).

⁸ В частности В. В. Бычков критикует принципы изучения иконы В. В. Лепяхина за «узко конфессиональную точку зрения»: «Автор совершенно не чувствует художественной ценности живописи, то есть не владеет языком цвета, формы, композиции, и, соответственно, не понимает эстетической значимости русской иконы вообще...» [6, 472, 473].

⁹ Цит. по: [16, 372].

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Символ // Большая советская энциклопедия: в 30 т. — Т. 23. — М.: Советская энциклопедия, 1976. — С. 385—386.
2. Аверинцев С. С. Символ // София-Логос. Словарь. — Киев: Дух і Літера, 2001. — С. 155—161.
3. Бердяев Н. А. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 1. — С. 208—234.
4. Богатырева Т. В. Именованіе Богородицы в древнерусских житиях // Русская речь. — 2011. — № 3. — С. 70—72.
5. Булгаков С. Н. Победитель-побежденный // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 1. — С. 376—392.
6. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. — М.: Ладомир, 2007. — 746 с.
7. Губарева О. В. Божия Матерь в Ее иконах. Опыт художественно-богословского анализа. — М.: Паломник, 2008. — 160 с.
8. Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. — СПб.: Алетейя, 2006. — 227 с.
9. Зайцев К., свящ. Любовь и страх // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 2. — С. 197—228.
10. Иванов Г. В. Страх перед жизнью // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 2. — С. 187—196.
11. Иванов М. С. К вопросу о богословии символа // Журнал Московской Патриархии. — 1984. — № 4. — С. 68—74.
12. Квицидзе Н. В. «Знамение» Новгородская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. — Т. XX. — М.: Православная энциклопедия, 2009. — С. 271—277.
13. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери: в 2 т. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1915. — Т. 2. — 458 с.
14. Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. — М.: Прогресс-Плеяда, 2002. — 383 с.
15. Куклярский Ф. Ф. К. Леонтьев и Фридрих Ницше как предатели человека // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 1. — С. 271—293.
16. Кутковой В. С. Очередное столкновение православной и магической эстетики (В. В. Лепяхин и В. В. Бычков) // Духовные начала русского

- искусства и просвещения: материалы VIII Международной науч. конф. «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения»): сб. ст. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. — С. 370—373.
17. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. — М.: Искусство, 2000. — 395 с.
 18. Лосев А. Ф. Логика символа // Контекст-72. Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 182—217.
 19. Мережковский Д. С. Страшное дитя // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 1. — С. 241—249.
 20. Моторин А. В. Эстетика иконы в светском и православном понимании (О замечаниях В. В. Бычкова на книги В. В. Лепяхина) // Духовные начала русского искусства и просвещения: материалы VIII Международной науч. конф. «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения»): сб. ст. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. — С. 374—384.
 21. Надеждин Н. И. Изображение Божией Матери // Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв.: антология / сост., общ. ред., предисл. Н. К. Гаврюшина. — М.: Прогресс, 1993. — С. 65—70.
 22. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). — М.: Прогресс; Гнозис, 1991. — 192 с.
 23. Фетисенко О. Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). — СПб.: Пушкинский дом, 2012. — 784 с.
 24. Франк С. Л. Миросозерцание Константина Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. — СПб.: РХГИ, 1995. — Кн. 1. — С. 235—240.

Darya S. Kunilskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
dkunilskaya@yandex.ru*

**THE ICON OF THE MOTHER OF GOD
IN THE NOVEL “ODYSSEUS POLICHRONIADES”
BY K. N. LEONTIEV**

Abstract. This article deals with the image of the icon of the Virgin in the novel “Odyssey Polihroniades” of K. N. Leontiev. It proves that the holy faces of the Virgin in the novel become a link between the Greek and Russian Orthodox traditions. The author traces the biography of the writer and explains special Leontiev’s attitude to the icons of Our Lady. As it is revealed in the analysis the Virgin images in the Eastern Christianity represent intercession and the protective function of the icon. Besides, The Orthodox Christian

consciousness shares the same prayer tradition. It is these images of the Virgin through which a special connection between an icon and a prayer as well as its correlation with the prototype are revealed in the novel. The specific character of the Greek world is discovered in the novel “Odysseus Polichroniades” through the holy face of the Mother of God. The icon of the Mother of God gives the Greek world special symbolism in the artistic space of the novel adding thereby the dynamics to the static Greek world.

Keywords: Konstantin Leontiev, “Odysseus of Polihroniades”, Icon of the Mother of God, character of the icon, Greek Orthodox tradition

References

1. Averintsev S. S. Simvol [Symbol]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 tomakh* [Comprehensive Soviet Encyclopedia in 30 vol.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1976, vol. 23, pp. 385—386.
2. Averintsev S. S. Simvol [Symbol]. *Sofiya-Logos. Slovar'* [Sofiya-Logos. Vocabulary]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2001, pp. 155—161.
3. Berdyaev N. A. K. Leont'ev — filosof reaktsionnoy romantiki [K. Leontiev as a philosopher of reactionary romanticism]. *K. N. Leont'ev: pro et contra* [K. N. Leontiev: pro et contra]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, vol. 2, pp. 208—234.
4. Bogatyreva T. V. Imenovanie Bogoroditsy v drevnerusskikh zhitiyakh [The name of The Blessed Virgin in Old Russian hagiography]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2011, no. 3, pp. 70—72.
5. Bulgakov S. N. Pobeditel'-pobezhdenny [The winner-the defeated]. *K. N. Leont'ev: pro et contra* [K. N. Leontiev: pro et contra]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, vol. 1, pp. 376—392.
6. Bychkov V. V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgical aesthetics]. Moscow, Lodomir Publ., 2007. 746 p.
7. Gubareva O. V. *Bozhiya Mater' v Ee ikonakh. Opyt khudozhestvenno-bogoslovskogo analiza* [The Blessed Virgin in Her icons. The experience of artistic and theological analysis]. Moscow, Palomnik Publ., 2008. 160 p.
8. Zhukov K. A. *Vostochnyy vopros v istoriosofskoy kontseptsii K. N. Leont'eva* [Eastern question in the historical and philosophical ideas of K. N. Leontiev]. Saint-Petersburg, Aletyya Publ., 2006. 227 p.
9. Zaytsev K., priest. Lyubov' i strakh [Love and fear]. *K. N. Leont'ev: pro et contra* [K. N. Leontiev: pro et contra]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, vol. 2, pp. 197—228.
10. Ivanov G. V. Strakh pered zhizn'yu [Fear of life]. *K. N. Leont'ev: pro et contra* [K. N. Leontiev: pro et contra]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, vol. 2, pp. 187—196.
11. Ivanov M. S. K voprosu o bogoslovii simvola [The question of theology of the symbol]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [The Journal of Moscow Patriarchy], 1984, no. 4, pp. 68—74.

12. Kvilidze N. V. «Znamenie» [“The Sign”]. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr Pravoslav-naya entsiklopediya Publ., 2009, vol. 20, pp. 271—277.
13. Kondakov N. P. *Ikografiya Bogomateri [The Iconography of the Mother of God]*. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1915, vol. 2. 458 p.
14. Kotel'nikov V. A. *Pravoslavnye podvizhniki i russkaya literatura. Na puti k Optinoy [The Orthodox ascetics and Russian literature. On the way to the Optina]*. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2002. 383 p.
15. Kuklyarskiy F. F. K. Leont'ev i Fridrikh Nitszshe kak predateli cheloveka [K. Leontiev and Friedrich Nietzsche as the betrayers of Mankind]. *K. N. Leont'ev: pro et contra [K. N. Leontiev: pro et contra]*. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, vol. 1, pp. 271—293.
16. Kutkovoy V. S. Ocherednoe stolknovenie pravoslavnoy i magicheskoy estetiki (V. V. Lepakhin i V. V. Bychkov) [Another collision of the Orthodox and magical aesthetics (V. V. Lepakhin i V. V. Bychkov)]. *Sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i obrazovaniya» («Nikitskie chteniya»)* [The collected articles of the 7th International Scientific Conference “Spiritual origins of Russian art and education” (“Nikitskie readings”)]. Velikiy Novgorod, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2008, pp. 370—373.
17. Lazarev V. N. *Russkaya ikonopis' ot istokov do nachala XVI veka [Russian iconography from the sources to the beginning of the 16th century]*. Moscow, Iskustvo Publ., 2000. 395 p.
18. Losev A. F. Logika simvola [The Logic of the Symbol]. «Kontekst-72. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya» [“Context-72. Literary and theoretic studies”]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 182—207.
19. Merezhkovskiy D. S. Strashnoe ditya [The awful child]. *K. N. Leont'ev: pro et contra [K. N. Leont'ev: pro et contra]*. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, vol. 1, pp. 241—249.
20. Motorin A. V. Estetika ikony v svetskom i pravoslavnom ponimanii (O zamechaniyakh V. V. Bychkova na knigi V. V. Lepakhina) [The aesthetic of the icon within secular and Orthodox meaning (About V. V. Bychkov's comments on V. V. Lepakhin's books)]. *Sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i obrazovaniya» («Nikitskie chteniya»)* [The collected articles of the 7th International Scientific Conference “Spiritual origins of Russian art and education” (“Nikitskie readings”)]. Velikiy Novgorod, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2008, pp. 374—384.
21. Nadezhdin N. I. Izobrazhenie Bozhiey Materi [The image of the Mother of God]. *Filosofiya russkogo religioznogo iskusstva XVI—XX vv. [Philosophy of Russian religious art of the 16th — 20th centuries]*. Moscow, Progress Publ., 1993, pp. 65—70.

22. Fedotov G. P. *Stikhi dukhovnye (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham)* [*The sacred poems (Russian people's faith in terms of the sacred poems)*]. Moscow, Progress, Gnozis Publ., 1991. 192 p.
23. Fetisenko O. L. *Geptastylisty: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki. (Idei russkogo konservatizma v literaturno-khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX veka — pervoy chetverti XX veka)* [*Heptastylists: Konstantin Leontiev, his interlocutors and adherents. (The ideas of Russian conservatism in the literary and artistic publicistic works of the latter half of 19th — the first quarter of the 20th centuries)*]. Saint-Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2012. 784 p.
24. Frank S. L. *Mirosozertsanie Konstantina Leont'eva* [The outlook of Konstantin Leontiev]. *K. N. Leont'ev: pro et contra* [*K. N. Leont'ev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, vol. 1, pp. 235—240.

Дата поступления в редакцию: 15.11.2014